

САМОКРИТИКА У „ГАТОВОВЦА“ НЕ В ПОЧТЕ

Перелопачивать довольно толпы по-прежнему еще комплект печатной газеты Театра оперы и балета Гатобовца (вышло 7 номеров) и думать о том, до чего любовью допущены редактора этого органа! Хлебом лих корня — дав кого-нибудь почитать. И журчит, из номера в номер, многозвонная река юбилейных поздравлений, канцелярских дат, писем в редакцию с «отрицательными признаками» за старыми пимпанье. Менаются чуть ли не после каждого номера газеты редакторы, но эта чудесная традиция жива — и постоит страшны газеты «Редкими юбилеями», «Достоинствыми старейши» и прочими, вынызывающими слезы умения, залоговкам.

Надо отдать справедливость редактору Гатобовца — она сумеет мобилизовать общественность вокруг юбилейной кампания! Есть все основания предполагать, что все новые юбилеи будут встречены во всеоружии.

Цехом балетной труппы, например, настолько предусмотрительнее, что решает готовить телегу вымок и поэтому сообщает, что «своем три месяца в группе артистов балета, выполнявших поному труда и ивечной много полезных указаний и помощи при возобновлении нашо вездешних в репертуаре спектаклей, колопяются юбилейные даты беспрерывной службы в театре. Дальше идут справки — у кого — 25 лет службы, у кого 20, а у кого и во 48.

Слов нет, в таком крупном художественном органе, как ГАТОВ, есть много вполне заслуженных товарищей, отметить которых в печати было бы вполне уместно. Совершенно очевидно, что ряд юбилейных дат должен быть найден свое отражение в газете. Но в первую очередь, велика же до бесчувствия, а в некоторых — и это главное — в юбилейном кварте газета вывалила о своей основной задаче — быть организатором творческой жизни театра. Оно понятно: ставить острые вопросы те-

атрального дня, бороться за качество, за мастерство, за высокую художественную продукцию, конечно, неизмеримо труднее, нежели произносить поздравительные речи.

В № 5 печатает газета статью «Развернуть цепь безответственности». Под этим, весьма решительным названием, сообщается, что в театре, по существу, отсутствуют единоначалие. Есть режиссерское управление, но оно переадресовывает все спорные вопросы художественному руководству. Последнее, не оставаясь в долгу и перестраивает уклаванные вопросы постановочной части. А постановочная часть малахольночески говорит: обратитесь в дирекцию. Мы узнаем также из этой статьи, что «полюбный беспорядок царит в опере, что управл. оперной группой тов. Шаффер еще формирует создания четкой организации и распределения труда в труппе», и что режиссерское управление в лице В. Н. Подпалова вынуждено подчас «подменить всех своих заместителей».

Этот безобразия! — думаем мы, читая эти разоблачительные строки. Интересно, кто на это скажет директору театра тов. Бухштейн. — Но тут валять нам падает на подпись под статьями и неуменьному вору предстает фамилия автора — Бухштейн.

И редакция печатает эту, вымывавшую законное недоумение читателей, статью без всяких комментариев. Редакция не найдет вопроса директору: что же сделано им для того, чтобы ввести единообразие в театре? Почему он, директор, знает и терпит подобные фамлы? Вопрос об единоначалии один из наиболее важных вопросов жизни ГАТОВ — никак не отражен в газете — кроме упомянутой статьи выныкает «цепь безответственности» вы ничего не найдете на ее столбцах.

Но может быть газета занята проблемами репертуара, критикой художественной продукции театра? Увы,

кроме одной статьи о «Шапкучике», да еще двух-трех незначительных заметок, — ничего нет на этот счет. А ведь известно, что в театре нет никакого репертуарного плана. Известно, что театр в прошлом сезоне не всегда выигрывал с произведениями, которые можно было бы считать в актив ГАТОВ. Известно, что артифа театра очень редко пополняется названными новыми постановок театра. Разве газета «Гатобовец» не должна была развернуть на своих страницах широкую дискуссию, которая вскрыла бы корни той или иной неудачной постановки. Разве газета не должна играть профилактической, предупредительной роли (предварительное обсуждение, а не просто публикация режиссерских экспозиций и т. д.)? Разве газета не должна была бы самокритически проанализировать имеющиеся очень туманные репертуарные заметки? Разве не должна была бы газета проверить — как осуществляются и осуществляются ли намеченные постановки?

Нельзя сказать, что газета вовсе не печатает материалов по вопросам творческой жизни театра. Ряд статей (например, о хоре, статье Ноничко, статья Радлова, обмен опытом и т. д.) представляет бесспорный интерес. Но редакция не мобилирует вокруг этих статей внимания общественности. Не существует организующей роли редакции. Ведь одно дело — напечатать интересный материал, другое — систематически бороться за то или иное мероприятие.

В № 2 газета печатает очень интересную статью тов. Радлова «Производственные задачи театра на 1934 г.». В этой статье выносятся постановки, которые будут осуществляться театром. Не спорим, что статья эта оставляет крайне неопределенное впечатление в смысле того, когда будут осуществляться эти постановки. Когда будет поставлен «Царь Вдиги? Шалов?»

«Вытиссарайский фонтан»? «Тень Улвапшгелы? Статья не отвечает на эти вопросы, и редакция они тоже очевидно мало интересуют. Редакция сделала свое дело — напечатала статью — и возвращается к «родным юбилеям». Ни в одном из последующих номеров, — а их все-таки пять! — «Гатобовец» не вспоминает об этой статье. Обсуждение производственного плана и борьба за сроки, видимо, также сочтены второстепенным и малоинтересным делом.

Как видим, самокритика у «Гатобовца» не в особом почте. Впрочем, что мы говорим? Вот, в № 6 газеты новый редактор тов. Гринев печатает статью, в которой описывается против существующей в театре брани критиковать. Тов. Гринев жалуетсь — вот, де, мол, как трудно достать обличительный материал — обратитесь с просьбой к кому-нибудь, и как правило, получаете ответ: «Я бы выдал, да боюсь, потом начнут прижимать, а чего доброго и совсем выпрут из театра». Это — не случайное явление, — намекает далее тов. Гринев. — Самокритика, впрочем, большевикотская самокритика, как видно, здесь еще находится на вадрорах, и под особым наблюдением отдельных руководителей, особо «оберегающих» ее. Жалко читать статью, в надежде, что найдем расшифровку сих многозначительных намеков. Но тов. Гринев на одной конкретной фамилии, ни одного факта в этой статье, посвященной призывам к самокритике, не привел. На первом — оплошная болтология! Правда, на другой странице под броскими заголовками печатается большой разоблачительный материал. Ага! Наконец-то в «Гатобовце» зазвучал голос самокритики. И в самом деле: газета метет грома и молнии против некоего Потироловского.

Кто такой Потироловский? Оказывается, начальник домарко-отторожской

охраны. Вот уж поистине сильные копки зверя нет.

Ну, ладно — хоть Потироловский, — хотя мы думаем, что не погордо-отторожская охрана должна стать в центре самокритики газеты Театра оперы и балета! Но в тут газета обнаруживает свое неуменье по-настоящему копировать самокритику. Разоблачая Потироловского как авторитаризма, газета говорит, что «справой рукой Потироловского был некто Гусиков Георгий, что представляет собой этот Гусиков, можно судить по его брату, Борису».

Мы ни в какой мере не вдаемся сейчас в оценку моральных качеств Гусикова Георгия. Но что за, страшная аргументация братом Борисом?

Борьба за реализацию решений XVII съезда газетой не ведется по-настоящему. Тов. Гринев уверяет, что мы сумеем поставить работу нашего редакционного органа на передовые позиции, на осуществление и проведение в жизнь решений XVII съезда партии. Очень приятная декларация. Но в чем же реализуется она? В печатании рапорта? В том, что газета усилению фабрикует водянистые и неконкретные передовые? Или в том, что она занимается очередными чествованиями?

Ни одного вопроса, поставленного съездом, газета не сумела конкретизировать в специфических условиях театра.

Одна из основных проблем, поставленных съездом — борьба за качество — газетой не развеврнута.

Театр оперы и балета — крупная художественная оакопщина не только Ленинграда, но и всего Советского Союза. Такой театр должен иметь свой печатный орган. Но не юбилейный листок, не казенный бюллетень, а действительно боевой большевикотский орган, по-настоящему помогающий росту оленитогого мастерства, создавший больших художественных талантов.